

БОМБОРА Story

ЛЕА
ЮПИ

ИСТОРИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ
НА СЛОМЕ ЭПОХ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Ю61

Lea Ypi
FREE

Copyright © Lea Ypi, 2021
All rights reserved

Юпи, Леа.

Ю61 Свободная. История взросления на сломе эпох /
Леа Юпи ; [перевод с английского Э. И. Мельник]. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-181931-6

Леа Юпи выросла в одной из самых изолированных стран Европы — в месте, где коммунистические идеалы официально заменили религию. Албанию было почти невозможно посетить и было почти невозможно из нее уехать. Это была страна очередей и дефицита, политических казней и тайной полиции. Люди жили в равенстве, соседи помогали друг другу, и казалось, что дети построят лучший мир.

Но в декабре 1990 года все изменилось. В одночасье люди получили право свободно голосовать, носить что угодно и верить во что хотят. Страх больше не был необходимостью. Однако вместе со свободой пришли новые испытания: заводы закрылись, рабочие места исчезли, тысячи людей бежали в Италию на переполненных кораблях, а крах финансовых пирамид обернулся национальной катастрофой и привел к ожесточенному внутреннему конфликту. В глубоких и пронзительных мемуарах Леа Юпи создала яркий портрет взросления во времена краха коммунизма на Балканах. Это не учебник истории, это честный рассказ о семье, о хрупкой связи личного и политического — о том, как идеология ломает судьбы, но люди продолжают жить, верить, смеяться и любить.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Мельник Э.И., перевод
на русский язык, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-181931-6

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

1. Сталин.....	11
2. Другой Юпи.....	26
3. Номер 471: краткая биография.....	42
4. Дядюшка Энвер покинул нас навсегда.....	54
5. Жестянки от кока-колы.....	68
6. Товарищ Мамуазель.....	83
7. Они пахнут кремом для загара.....	98
8. Бригатиста.....	117
9. Ахмет получил диплом.....	134
10. Конец истории.....	145

ЧАСТЬ II

11. Серые носки.....	165
12. Письмо из Афин.....	182
13. Все хотят уехать.....	200
14. Соревновательные игры.....	214
15. «Я всегда носила с собой нож».....	227

16. Все это — часть гражданского общества.....	241
17. Крокодил.....	258
18. Структурные реформы.....	272
19. Не плачь.....	284
20. Как и остальная Европа.....	298
21. 1997.....	310
22. «Философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».....	327
Эпилог.....	339
Благодарности.....	346

*Посвящается памяти моей бабушки,
Леман Юпи (Нини), 1918–2006*

Люди делают историю не по своей доброй воле.
Но они все равно делают историю.

Роза Люксембург

ЧАСТЬ I

1

СТАЛИН

Я ни разу не задавалась вопросом о смысле свободы до того дня, когда обняла Сталина. Вблизи он оказался намного выше, чем я ожидала. Наша учительница Нора рассказывала нам, что империалисты и ревизионисты любят подчеркивать, каким низкорослым был Сталин. На самом деле, говорила она, он был не настолько низкорослым, как Людовик XIV, о чьем росте они — вот странность какая! — никогда не упоминали. В любом случае, добавляла она серьезно, обращать внимание на внешность, а не на то, что действительно важно, — типичная империалистическая ошибка. Сталин был настоящим гигантом, и его деяния были куда важнее физического облика.

Что делало Сталина по-настоящему необыкновенным, продолжала пояснять Нора, так это то, что он улыбался глазами. Представляете? Улыбался глазами! Это потому, что дружелюбные усы, украшавшие его лицо, скрывали губы, так что невозможно было понять, если смотреть только на рот, действительно Сталин улыбается или нет. Но достаточно было один-единственный раз посмотреть ему в глаза, пронзительные, умные, карие, и сразу всё становилось ясно. Сталин улыбался. Некоторые люди не

способны смотреть другим людям в глаза. Им явно есть что скрывать. Сталин же смотрел прямо на тебя, и, если он был в хорошем настроении или если ты вел себя хорошо, его глаза улыбались. Он всегда ходил в простом френче и простых коричневых ботинках и любил закладывать правую ладонь под левую полочку френча, словно держась за сердце. Левую руку он всегда держал в кармане.

— В кармане? — переспрашивали мы. — Разве это не признак невоспитанности — ходить, сунув руки в карманы? Взрослые всегда велят нам вынуть руки из карманов.

— Ну, вообще-то да, — соглашалась Нора. — Но в Советском Союзе холодно. И в любом случае, — добавляла она, — Наполеон тоже всегда держал руку в кармане. И никто не называл его невоспитанным.

— Не в кармане, — поправила я несмело. — В зиме. В его времена это было признаком хорошего тона.

Учительница Нора меня проигнорировала и явно собиралась перейти к следующему вопросу.

— И он был низкорослым, — перебила ее я.

— Откуда ты знаешь?

— Мне бабушка рассказывала.

— Что она тебе рассказывала?

— Она говорила, что Наполеон был маленького роста, но когда учитель Маркса, Генгель... или Гегель? не помню... увидел его, он сказал, что увидел мирового духа верхом на коне.

— Генгель, — уверенно поправила она меня. — Генгель был прав. Наполеон изменил Европу. Он распространил политические институты Просвещения. Он был одним из великих людей. Но не таким великим, как Сталин. Если бы учитель Маркса Генгель увидел Стали-

на — естественно, не верхом на коне, а, скажем, на танке, — он бы тоже утверждал, что видел мирового духа. Сталин был главным источником вдохновения для намного большего числа людей, для миллионов наших братьев и сестер в Африке и Азии, а не только в Европе.

— А Сталин любил детей? — спросили мы.

— Конечно, любил.

— Даже больше, чем Ленин?

— Примерно так же, но его враги всегда старались это скрывать. Они изображали Сталина хуже, чем Ленина, потому что Сталин был сильнее и намного, намного опаснее для них. Ленин изменил Россию, а Сталин изменил весь мир. Вот почему тот факт, что Сталин любил детей примерно так же, как Ленин, не получил достойного освещения.

— Сталин любил детей больше, чем дядюшка Энвер? Учительница Нора замешкалась.

— Он любил их больше?

— Вы знаете ответ, — проговорила она с теплой улыбкой.

Вполне может быть, что Сталин любил детей. Вполне вероятно, что дети любили Сталина. Но что можно сказать с железной уверенностью, так это что никогда я не любила его сильнее, чем тем дождливым декабрьским днем, когда примчалась из порта в маленький скверик подле Дворца культуры, потная, дрожащая, с так бешено колотившимся сердцем, что мне казалось, я вот-вот выплуну его на землю. Я бежала со всех ног и пробежала уже больше мили, когда, наконец, увидела тот крохотный скверик. Когда передо мной показался Сталин, я поняла, что мне ничего не грозит. Он стоял там, се-

ррезный, как всегда, в своем непритязательном френче, простых бронзовых туфлях, с правой рукой под полочкой, словно держась за сердце. Я остановилась, огляделась, чтобы удостовериться в отсутствии погони, и подошла близко-близко. Вжимаясь правой щекой в бедро Сталина и сляясь охватить руками его колени, я сделалась невидимой. Попыталась перевести дух, закрыла глаза и начала считать. Один. Два. Три... Добравшись до тридцати семи, я перестала слышать собачий лай. Грохот сапог по асфальту превратился в отдаленное эхо. Только лозунги, выкрикиваемые протестующими, время от времени доносились издали: *«Свобода, демократия, свобода, демократия»*.

Уверившись в своей безопасности, я выпустила Сталина из объятий. Села на землю и оглядела его внимательнее. Последние капли дождя испарялись с его сапог, краска на френче посветлела. Сталин был точно таким, каким его описывала учительница Нора: бронзовый великан с руками и ногами гораздо более крупными, чем я ожидала. Запрокинув голову, я хотела убедиться в том, что его усы действительно скрывали верхнюю губу и что он улыбался глазами. Но никакой улыбки там не оказалось. Как не было ни глаз, ни губ, ни даже усов. Хулиганы украли голову Сталина.

Я прижала руку ко рту, давая невольный вскрик. Сталин, бронзовый великан с дружелюбными усами, который стоял в скверике у Дворца культуры задолго до моего рождения, обезглавлен?! Сталин, о котором Генгель мог бы сказать, что видел мирового духа на танке? Зачем? Чего они хотели? Почему они кричали: *«Свобода, демократия, свобода, демократия»*? Что это означало?

Я никогда особенно не задумывалась о свободе. Да и зачем? У нас свободы было сколько хочешь. Я чувствовала себя такой свободной, что воспринимала свою свободу только как обузу, а иногда — например, в тот день — как угрозу.

Я не собиралась идти на протест. Я вообще слабо представляла себе, что такое протест. Всего пару часов назад я стояла под дождем у школьных ворот и прикидывала, какой дорогой возвращаться домой: повернуть налево, направо или пойти прямо. У меня была полная свобода выбора. Каждый маршрут поднимал свои вопросы, и я должна была взвесить причины и следствия, поразмыслить о том, что они мне сулят, и принять решение, о котором, я знала, могла потом пожалеть.

Естественно, в тот день я о нем пожалела. Я свободно выбрала, какой дорогой идти домой, и этот выбор оказался неверным. Дело было после того, как закончилось мое дежурство по школе. После уроков мы группами по четыре человека поочередно убирали свой класс, но мальчишки часто отпрашивались под любым предлогом, и оставались дежурить только девочки. Я была в одной смене со своей подружкой Элоной. В обычные дни мы с ней вместе уходили из школы после дежурства, подходили к старухе, которая сидела на тротуаре на углу главной улицы, торгуя жареными семечками, и спрашивали ее: «Можно попробовать? Они соленые или несоленые? Жареные или нежареные?» Старуха раскрывала один за другим, развязывала три мешочка, которые носила с собой — с жареными и солеными, жареными и несолеными, нежареными и несолеными, — и мы брали на пробу по жменьке семечек из каждого. А уж когда у нас находилось по паре мелких монет, выбирать можно было какие угодно.